

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Объект исследования

Представленные на исследование материалы — ксерокопия страниц 2—46 из приговора Кировского районного суда г. Казани от 24.11.2009 г. по делу № 1-376/2009, которые содержат цитаты из книги И. М. Муртазина «Минтимер Шаймиев: Последний президент Татарстана. Книга 1», из публикаций И. М. Муртазина в Интернете по адресам <http://irek-murtazin.livejournal.com> и <http://www.kazan.livejournal.com>, из статей И. М. Муртазина в газетах «Казанские вести» № 1 и «Наши казанские вести» № 1.

Объект исследования — содержащиеся в тексте приговора цитаты из произведений И. М. Муртазина.

Первый блок — цитаты, в которых, согласно приговору суда, изложены «ложные, не соответствующие действительности факты и события, порочащие честь и достоинство М. Ш. Шаймиева, подрывающие его репутацию» (стр. 2—4). Второй блок — цитаты, направленные, согласно приговору суда, «на возбуждение ненависти, вражды по признакам принадлежности к определенной социальной группе» (с. 5—46).

Цитаты первого блока объединены в пять групп:

1-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, И. М. Муртазин обвинил М. Ш. Шаймиева «в коррупции и нарушении законов, в том числе в создании в Республике Татарстан коррупционной власти» (стр. 2—3).

2-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, И. М. Муртазин обвинил М. Ш. Шаймиева «в наркотизации и алкоголизации населения Республики Татарстан, способствовании его вовлечения в сектантские религиозные группы и в преступность» (стр. 3).

3-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, И. М. Муртазин обвинил М. Ш. Шаймиева «в развязывании в декабре 1994 года войны в Чеченской Республике» (стр. 3).

4-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, И. М. Муртазин обвинил М. Ш. Шаймиева «в совершении действий преступного характера» (стр. 3).

5-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, содержатся «в утвердительной словесной форме заведомо ложные сведения о смерти

М. Ш. Шаймиева и об ожидаемой негативной политической ситуации в Республике Татарстан в связи со смертью президента» (стр. 4).

Цитаты групп 1—4 взяты из книги И. М. Муртазина «Минтимер Шаймиев: Последний президент Татарстана. Книга 1». Цитаты 5-й группы — публикации, размещенные «в сети Интернет на сайте www.kazan.livejournal.com в своем блоге „irek-murtazin“ на <http://irek-murtazin.livejournal.com>».

Цитаты второго блока объединены в следующие группы.

1-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, содержатся негативные характеристики представителей власти (стр. 5—6).

2-я группа — цитаты, в которых содержится оценка категории «Другие» как негативной группы (стр. 6—7).

3-я группа — цитаты, в которых подсудимый, согласно приговору суда, «формирует негативные эмоциональные установки в отношении людей, занимающих ответственные посты в структурах исполнительной и законодательной власти, финансовых структурах, путем негативных ассоциативных связей <...> а также использование [так в тексте приговора] сарказма» (стр. 7).

4-я группа — цитаты, в которых подсудимый, согласно приговору суда, «формирует негативную оценку и негативную установку по отношению к категории „Другие“ путем приписывания представителям категории „Другие“ негативно окрашенных характеристик личности, прежде всего потерпевшего» (стр. 7—9).

5-я группа — цитаты, в которых подсудимый, согласно приговору суда, «приписывает категории „Мы“ однозначно позитивные личностные и профессиональные характеристики» (стр. 10).

6-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, «представителей категории „Мы“ подсудимый обозначает как правильно понимающих политическую и экономическую ситуацию в стране, и данное понимание противопоставляется неправильному и вредоносному пониманию представителями категории „Другие“. В первую очередь это сам автор» (стр. 10—11).

7-я группа — цитаты, в которых подсудимый, согласно приговору суда, «формирует миссию — защита прав и интересов категории „Мы“ от категории „Другие“» (стр. 11).

8-я группа — цитаты, в которых подсудимый, согласно приговору суда,

«М. Ш. Шаймиева как представителя власти ассоциирует со Сталиным, Брежневым в прямой и косвенной форме» (стр. 11—12).

9-я группа — цитаты, в которых подсудимый, согласно приговору суда, «делит и противопоставляет социальную группу „представители власти“ на категории „региональная власть“ и „Москва“» (стр. 13—14).

10-я группа — цитаты, содержащие, согласно приговору суда, «высказывания, формирующие внешне направленную открытую и внешне направленную скрытую агрессию» (стр. 14—17).

11-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, «подсудимый... приводит высказывания, в которых бедствия и неблагополучие в прошлом, настоящем, будущем объясняется деятельностью определенных социальных групп, указывает на якобы имеющееся несоответствие действий властей, превышение должностных полномочий» (стр. 17—18).

12-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, «подсудимый... указывает на наличие, по его мнению, нарушения законов представителями государственных и силовых структур в прямой и косвенной форме» (стр. 18—19).

13-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, содержатся «указания на разрушение экономической системы вследствие ущербного управления или целенаправленных действий властей» (стр. 19—21).

14-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, «отмечено формирование подсудимым необходимости преобразований» (стр. 21).

15-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, «особый упор воздействия подсудимым сделан на молодежь как социальную группу» (стр. 22).

16-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, «умышленное и целенаправленное создание и подкрепление подсудимым эмоциональной оценки и отрицательной смысловой установки в отношении лиц, выявленных по принципу социальной принадлежности, базируются на личных умозаключениях и „предположениях“ самого подсудимого» (стр. 22—23).

17-я группа — цитаты, которые, согласно приговору суда, демонстрируют, что «формирование убежденности читателя в достоверности данных... происходит за счет цитирования авторитетных лиц, ссылок на статистические данные, демонстрации принадлежности [И. М. Муртазина] в прошлом к структурам власти и осведомленности о личной жизни представителей власти, демонстрации осведомленности о кадровых изменениях и особенностях

взаимодействия во властных структурах, возможности доступа до закрытой информации» (стр. 23).

18-я группа — цитаты из блога И. М. Муртазина, иллюстрирующие, согласно приговору суда, факторы, которые формируют «передачу читателю уничижительных характеристик, отрицательных оценок, негативных характеристик в отношении других лиц, объединенных по социальному признаку». Цитаты этой группы классифицированы следующим образом:

— цитаты, в которых, согласно приговору суда, «отмечено формирование негативной оценки и негативной установки в отношении лиц категории „Другие“, формирование и подкрепление негативного стереотипа, отрицательного образа» (стр. 24);

— цитаты, в которых, согласно приговору суда, «отмечено приписывание представителям категории „Другие“ негативно окрашенных характеристик личности, перенос негативных характеристик отдельных представителей категории „Другие“ на всю социальную группу» (стр. 24—25);

— цитаты, в которых, согласно приговору суда, И. М. Муртазин «связывает категорию „Другие“ с социальной группой, которая однозначно оценивается категорией „Мы“ как негативная группа (бандиты, сексуальные меньшинства, „похоронные бригады“ фашисты, волки, проститутки)» (стр. 25—26);

— цитаты, в которых, согласно приговору суда, И. М. Муртазин «использует уничижительные формулировки, касающиеся представителей категории „Другие“» (стр. 26);

— цитаты, в которых, согласно приговору суда, «отмечено наличие уничижительных, негативно эмоционально окрашенных неологизмов, использование фоносемантических возможностей воздействия» (стр. 26—27);

— цитаты, в которых, согласно приговору суда, «отмечено использование сарказма» (стр. 27).

19-я группа — цитаты из блога И. М. Муртазина, в которых, согласно приговору суда, «отмечено противоречивое отношение к Президенту России и премьер-министру России: преследуя цель возбуждения ненависти и вражды по признакам принадлежности к определенной социальной группе данные лица представлены подсудимым то как объекты обмана и финансовых манипуляций со стороны региональных властей и входят в состав категории „Мы“, то деятельность данных лиц оценивается негативно, утверждается их принадлежность к категории „Другие“» (стр. 27—28).

20-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, «Муртазин...

не обоснованно приписывает категории „Мы“ однозначно позитивные характеристики, правильное понимание общественно-политической ситуации» (стр. 28—29).

21-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, «подсудимый... в текстах своего блога в сети Интернет формирует миссию — защита прав и интересов категории „Мы“ от категории „Другие“» (стр. 29).

22-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, «содержатся высказывания, направленные на возбуждение ненависти и вражды по признакам принадлежности к определенной социальной группе, в которых бедствия и неблагополучие в прошлом, настоящем и будущем объясняется деятельностью определенных социальных групп». Цитаты этой группы классифицированы следующим образом:

— цитаты, в которых, согласно приговору суда, есть «указание на несоответствие действий властей, превышение должностных полномочий» (стр. 30—31);

— цитаты, в которых, согласно приговору суда, есть «необоснованные высказывания, утверждающие нарушения законов представителями государственных и силовых структур в прямой и косвенной форме» (стр. 31—34);

— цитаты, в которых, согласно приговору суда, есть «указания на разрушение экономической системы вследствие ущербного управления или целенаправленных действий властей» (стр. 34—35).

23-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, И. М. Муртазин «переносит различного рода негативные характеристики и пороки отдельных представителей на всю социальную группу» (стр. 35).

24-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, «подсудимый в текстах своего интернет-блога формирует у читателя идеи необходимости преобразований» (стр. 35—37).

25-я группа — цитаты, в которых, согласно приговору суда, содержатся «публичные призывы к явному выражению протестов» (стр. 37—39).

26-я группа — цитаты, которые, согласно приговору суда, иллюстрируют, на чем базируется «умышленное и целенаправленное создание и подкрепление Муртазиным И. М. отрицательной эмоциональной оценки и отрицательной смысловой установки в отношении лиц, выделенных по принципу социальной принадлежности в целях возбуждения ненависти и вражды». Цитаты этой группы классифицированы следующим образом:

— цитаты, в которых, согласно приговору суда, «создание и подкрепление... отрицательной эмоциональной оценки и отрицательной смысловой установки... базируется на личных умозаключениях и „предположениях“ самого подсудимого» (стр. 39—41).

— цитаты, в которых, согласно приговору суда, «создание и подкрепление... отрицательной эмоциональной оценки и отрицательной смысловой установки... базируется на... ссылках подсудимого на „молву“, „подозрения“ и слухи» (стр. 41).

«Цитирование авторитетных лиц, подтверждающих мнение автора» — третий пункт классификации средств, на которых, согласно приговору суда, базируется «создание и подкрепление Муртазиным И. М. отрицательной эмоциональной оценки и отрицательной смысловой установки», судом оставлен без подтверждающих цитат.

27-я группа — дополнительные цитаты из произведений подсудимого (стр. 44—46).

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл.— М.: Наука, 1976.— 383 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт.— М.: Наука, 1988.— 341 с.
3. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста.— М.: Флинта: Наука, 2009.— 592 с.
4. Баранов А. Н., Бельчиков Ю. А., Сафонова Ю. К., Шварцкопф Б. С. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации.— М., 2001.
5. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов.— М.: Наука, 1982.— С. 7—85.
6. Галяшина Е. И. Лингвистика vs. экстремизма.— М.: Юридический мир, 2006.— 96 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка.— М.: АЗЪ, 1995.— 928 с.
8. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью.— М.: Наука, 1985.— 272 с.
9. Словарь русского языка: В 4-х т./ Под ред. А. П. Евгеньевой.— М.: Рус. яз., 1999.
10. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в

судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации.— М., 2003.

Вопросы, связанные с цитатами первого блока (стр. 2—4)

Цитаты первого блока связаны с обвинением И. М. Муртазина в преступлении по статье 129 УК РФ «Клевета». В этой статье клевета определяется как «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию».

Вопросы, связанные с первым блоком цитат:

— Содержатся ли в представленных на исследование текстах сведения, порочащие честь и достоинство, подрывающие деловую репутацию М. Ш. Шаймиева?

— Если да, то в какой форме (утверждения, предположения, мнения или вопроса) они представлены?

Первый из поставленных вопросов предполагает следующее:

1. Обнаружение таких высказываний И. М. Муртазина, в которых говорится о М. Ш. Шаймиеве.

2. Обнаружение в этих высказываниях таких, которые могут быть проверены на соответствие действительности, то есть таких, которые могут быть оценены как истинные или ложные.

3. Среди утверждений о фактах (которые могут быть проверены на соответствие действительности) следует выявить высказывания о таких действиях (или поступках) М. Ш. Шаймиева, которые могут быть квалифицированы как порочащие.

Приведем цитаты первого блока полностью (орфография и пунктуация цитат из публикаций И. М. Муртазина, их объем и последовательность соответствуют тексту приговора):

1. *«Власть назойливо бахвалится, что добилась позитивных результатов, подняло пенсии, зарплаты, пособия. А людям сравнить-то не с чем. Они никогда не узнают, что бы было, если бы власть была другой, возможно, менее алчной и коррумпированной».*

2. *«... «речные пираньи» - это продукт той самой системы власти, которую выстроили Шаймиев и его окружение...именно татарстанская*

модель «демократии» стала основой бюрократического беспредела, благодаря которой, республика влезла в колею коррупции и вседозволенности. Колею, в которой богатеют только богатые, а бедные становятся еще беднее».

3. «Татарстанская властная система сконструирована именно так, чтобы чиновник непременно влез в колею беззакония. И катился по ней, набивая карманы вполне осязаемыми дивидендами со своей должности».

4. «Сегодня очевидно, что правящая номенклатура Татарстана фактически провозгласила себя наднациональной элитой, новой расой господ, живущей совершенно в другой системе координат, моральных ценностей, правовых норм и повязанной друг с другом вертикалью коррупции. Вертикалью, в рамках которой работает некая конвенция, согласно которой нижестоящий чиновник реализует свои коррупционные наклонности в границах своего поместья, не покушаясь на сферу влияния ни вышестоящего, ни сопредельного чиновника. Более того, нижестоящее чиновничество получает индульгенцию на свою коррумпированность в обмен на безграничную поддержку корыстолюбцев рангом повыше. В этой системе друг от друга зависят уже все. Не только те же главы администраций от Минтимера Шариповича, но и сам Шаймиев от глав администраций».

5. «Шаймиев и сам стал примером такой поведенческой модели, в которой доминирует правовой нигилизм. Поэтому-то и не знает, с какого боку подступиться, к примеру, к той же коррупции. ...Но коррупция как цвела пышным цветом, так и цветет».

6. «А реальная борьба с коррупцией означала бы борьбу власти с самим собой. Истребление «своих». А «своих» в республике не сдают...»

7. «На самом деле, много ли в республике найдется людей, готовых идентифицировать себя с шаймиевским «мы»? Если кто и может, то это в первую очередь армия чиновничества, снимающая административную ренту со своих должностей. А еще нувориши, пригретые властью. В обществе, пронизанном коррупцией настолько, что власть уже не может делать вид, что ее нет и вынуждена имитировать борьбу с нею, лозунги наподобие «Мы можем!» не претендуют на национальную идею, а в лучшем случае становятся девизом сверхблагополучных людей, приближенных к власти».

8. «А у нас за те же пятнадцать лет усиление властной номенклатуры привело к тотальной коррумпированности чиновничества».

9. «...А понимая это, рассматривая и оценивая деятельность, решения и поступки Минтимера Шаймиева ... многое становится куда понятнее и, увы,

банальнее. Не оказалось в истории Татарстана никакой «эпохи Шаймиева», а было всего лишь безвременье «большого хапка», время сколачивания многомиллиардных капиталов ближайшим окружением Шаймиева. А Минтимер Шарипович всего лишь осуществил политическое прикрытие разгулу алчности, собственноручно замуравив дверь в Пантеон Истории».

10. «...Как ни чудовищно и цинично может показаться на первый взгляд, но наркотизация, как и алкоголизация населения, и прежде всего молодежи, выгодны власти. Чем больше молодых людей пристрастится к наркотикам, пиву, водке, тем меньше потенциальных бузотеров - современных «народовольцев», способных к выплескиванию протестных эмоций и оппозиционных чувств...молодежь выталкивается в другую жизнь. К тем же наркотикам, в сектантские религиозные группы, в криминал...»

11. «Если вдуматься, в развязывании чеченской войны есть вина и Шаймиева...»

12. «...Шаймиев слишком долго находился во власти, и у него было предостаточно времени, чтобы на совершить ошибки, которые со временем вполне могут быть названы и преступлениями».

13. «Пришла страшная весть...на 72-ом году жизни, во время отдыха в Турции (в Кемере) скоропостижно скончался Минтимер Шарипович Шаймиев. Честно говоря - не верится. Точнее, не хочется верить. Потому что, если это правда, то начнется такая свара, такая нешуточная борьба за то, чтобы занять освободившееся кресло, что чубы у холопов будут трещать и вдоль и поперек. И именно из-за подобных перспектив, ближайшее окружение Минтимера Шариповича попытается скрыть эту информацию. Чтобы успеть перегруппироваться (вплоть до скоропостижной эвакуации из страны). Именно поэтому официальная информация, думаю, будет не раньше чем через неделю».

14. «...Похоже, республике надо готовиться к трауру ... Но население Татарстана продолжают дурить, что Минтимер Шарипович все плавает и плавает... По всей видимости, Минтимер Шаймиев не примет участие в сессии Государственного Совета Татарстана, которая должна пройти не позднее 15 октября 2008 года. ...И президент Татарстана, не сомневаюсь, не упустил бы возможности встретиться с Президентом Казахстана. Тем более в компании с Президентом России... А если в понедельник, 22 сентября Минтимер Шарипович не появится на публике? Что будут говорить те, кто утверждают, что президент плавает? Заплыл за буйки?... Маразм крепчает. Шаймиев сказал: «Я пошел плавать...»

В цитатах № 1, 3, 6, 8, 10 не говорится о М. Ш. Шаймиеве, и эти цитаты должны быть исключены из рассмотрения. Цитата № 7 содержит указание на высказывание М. Ш. Шаймиева (*шаймиевское «мы»*), но о самом М. Ш. Шаймиеве в этой цитате ничего не сказано, и эта цитата должна быть исключена из рассмотрения.

Оставшиеся цитаты следует рассмотреть на наличие в них утверждений о М. Ш. Шаймиеве, которые могут быть проверены на соответствие действительности. Это одно из требований Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»: «следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности».

Известно, что не все высказывания могут быть истинными или ложными. Очевидно, что истинными или ложными не могут быть, например, высказывания вопросительные, побудительные, высказывания о будущем. Параметром «истинность-ложность» (соответствие действительности) могут характеризоваться только высказывания, содержащие глагол в форме изъявительного наклонения прошедшего или настоящего времени (а также с нулевой связкой в настоящем времени).

Но и высказывания этой группы не все могут характеризоваться рассматриваемым параметром. Так, например, этот параметр теряет привычный смысл применительно к перформативам (например, *Я клянусь*), различного рода оценочным высказываниям (*Мне больно; Петя умнее Васи; Этот автомобиль красив* и т. п.). В этих случаях истинность или ложность может интерпретироваться не как соответствие действительности, а как соответствие «внутренним ощущениям», убеждениям или настроению говорящего. То есть, например, если я произнес *«Петя умнее Васи»*, то мое высказывание ложно в том случае, когда я убежден в обратном.

Особый разряд — высказывания о причинной связи между событиями (*Событие 2 произошло в результате события 1; Событие 1 повлекло за собой событие 2; Событие 1 повлияло на событие 2* и т. п.). В причинной связи есть два компонента — временной (могуший быть проверенным на

соответствие действительности) и оценочный. Высказывания о причинной связи событий можно признать ложными только в том случае, если событие-причина произошло позже события-следствия. В целом же высказывания, в которых утверждается связь между событиями, следует относить к выражению мнения говорящего, даже при отсутствии эксплицитных маркеров мнения (*по-моему; думается; видимо* и т. п.).

Чрезвычайно частотны утверждения, подобные следующему: *Петр зависит от своих родителей*. Это высказывание — некоторое умозаключение, результат обобщения ряда фактов, которые могут быть наблюдаемы, и высказывания об этих фактах могут быть проверены на соответствие действительности, например, *Петр живет в квартире, принадлежащей родителям; Петр получает от своего отца 20 тысяч рублей каждый месяц* и т. п. Причем истинность этих высказываний не влечет истинности утверждения, на них основанного. Высказывания *Петр живет в квартире, принадлежащей родителям; Петр получает от своего отца 20 тысяч рублей каждый месяц* — являются бесспорными «утверждениями о фактах», а высказывание *Петр зависит от своих родителей* утверждением о факте не является и проверке на соответствие действительности подвергнуто быть не может. Умозаключения типа *Петр зависит от своих родителей* могут быть квалифицированы как достаточно или недостаточно обоснованные (аргументированные), ошибочные, но не как истинные или ложные. Подобные этому умозаключения следует относить к выражениям мнения.

Рассмотрим каждую из цитат (№ 2, 4, 5, 9, 11, 12, 13, 14) на предмет наличия в них утверждений в прямой и скрытой форме о фактах, касающихся М. Ш. Шаймиева, которые могут быть проверены на соответствие действительности.

Во второй цитате говорится, что Шаймиев и его окружение выстроили систему власти [умозаключение И. М. Муртазина, которое не может быть проверено на соответствие действительности].

В четвертой цитате говорится, что не только главы администраций зависят от Минтимера Шариповича, но и сам Шаймиев от глав администраций [мнение И. М. Муртазина].

В пятой — что Шаймиев стал примером поведенческой модели, в которой господствует правовой нигилизм, и не знает, как подступиться к коррупции [мнение, оценка].

В девятой — что Минтимер Шарипович осуществил политическое

прикрытие [мнение, оценка] разгулу алчности [оценка], собственноручно замуравив дверь в Пантеон Истории [мнение, оценка].

В одиннадцатой — что (если вдуматься) есть вина и Шаймиева в развязывании чеченской войны [мнение, оценка].

В двенадцатой — что Шаймиев слишком долго находился во власти [утверждение о факте, оценка] и у него было предостаточно времени, чтобы на совершать ошибки, которые со временем вполне могут быть названы и преступлениями [мнение, оценка].

В тринадцатой — что пришла страшная [оценка] весть о том [утверждение о факте], что М. Ш. Шаймиев скончался [содержание вести, указание на чужое сообщение].

В четырнадцатой — что население Татарстана продолжают дурить [оценка], что Минтимер Шарипович все плавает и плавает [указание на чужое сообщение]; что по всей видимости, Минтимер Шаймиев не примет участие в сессии Государственного Совета Татарстана [высказывание о будущем, предположение]; что И. М. Муртазин не сомневается [оценка], что президент Татарстана не упустил бы возможности встретиться с Президентом Казахстана [предположение]; кроме того, четырнадцатая цитата содержит вопрос (А если в понедельник, 22 сентября Минтимер Шарипович не появится на публике?) и ссылку на цитату из телепередачи (Шаймиев сказал: «Я пошел плавать...»).

В четырнадцати цитатах содержится два утверждения о фактах, касающихся М. Ш. Шаймиева, которые могут быть проверены на соответствие действительности: 1. Шаймиев находился во власти; 2. Пришла весть о кончине М. Ш. Шаймиева.

Второе утверждение может быть рассмотрено как состоящее из двух связанных (1. Пришла весть [автор узнал, автору сообщили]; 2. М. Ш. Шаймиев скончался), первое из которых ничего не говорит о М. Ш. Шаймиеве и служит показателем того, что утверждение о смерти М. Ш. Шаймиева не принадлежит И. М. Муртазину. В случае истинности первой части утверждения, всё второе утверждение должно быть исключено из рассмотрения.

Если предположить ложность первой части [И. М. Муртазину не сообщали о кончине М. Ш. Шаймиева, и автором утверждения о кончине М. Ш. Шаймиева является сам И. М. Муртазин], то наличие в тексте первой части может рассматриваться только как способ введения второго утверждения и тогда предметом дальнейшего рассмотрения должна стать вторая часть — ‘Шаймиев скончался’.

Если принять второй вариант [что автором утверждения о том, что М. Ш. Шаймиева скончался, является сам И. М. Муртазин], то следует признать, что первый блок цитат из текстов И. М. Муртазина содержит два утверждения о М. Ш. Шаймиеве, которые могут быть проверены на соответствие действительности (1. Шаймиев находился во власти; 2. Шаймиев скончался) и которые требуют дальнейшего рассмотрения.

Определение порочащих сведений содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»: «Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица».

В этом определении перечень порочащих сведений не является закрытым, но все примеры касаются только поступков, которые могут быть квалифицированы как преступление или нарушение деловой этики или обычаев делового оборота, могут быть оценены как нечто нечестное, неправильное, неэтичное, недобросовестное.

Выявленные утверждения о М. Ш. Шаймиеве (1. Шаймиев находился во власти; 2. Шаймиев скончался), которые могут быть проверены на соответствие действительности,

1. не содержат информацию о поступках М. Ш. Шаймиева;
2. не могут быть оценены как нечто нечестное, неправильное, неэтичное, недобросовестное.

Таким образом, в представленных на исследование текстах сведения, порочащие честь и достоинство, подрывающие деловую репутацию М. Ш. Шаймиева, не содержатся. Отвечать на второй вопрос («Если да, то в какой форме (утверждения, предположения, мнения или вопроса) они представлены?») нет необходимости.

Вопросы, связанные с цитатами второго блока (стр. 5—46)

Цитаты второго блока связаны с обвинением И. М. Муртазина в преступлении по статье 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

Вопросы, связанные со вторым блоком цитат:

— Направлено ли содержание предоставленных на исследование текстов на возбуждение ненависти либо вражды между людьми по признаку принадлежности к какой-либо социальной группе?

— Содержатся ли в предоставленных на исследование текстах элементы пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их социальной принадлежности?

— Могут ли представленные на исследование тексты способствовать разжиганию социальной розни, в том числе, связанной с насилием?

Формулировки первого и третьего вопросов экспертным сообществом оцениваются не однозначно.

Первая точка зрения заключается в следующем. Само существо этих вопросов касается восприятия, и поэтому ответы на эти вопросы выходят за область компетенции лингвиста и должны быть адресованы психологу.

Вторая (противоположная) точка зрения: поскольку лингвистическая экспертиза использует аппарат теории речевых актов [см., например, *А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста. М., 2009*], то игнорировать перлокутивные эффекты (последствия) речевых актов лингвист не в праве. Согласно этой точке зрения и восприятие, и действия участников как последствия речевого акта могут и должны рассматриваться экспертом-лингвистом.

В своей работе мы рассматривали ситуацию не критического предельно полного понимания и приятия читателем текстов И. М. Муртазина (той их части, которая представлена в приговоре суда и является объектом настоящего исследования). В такой ситуации в результате прочтения читатель становится единомышленником автора, разделяет авторскую точку зрения, его оценку, выполняет все предписания, непосредственно реагирует на все призывы и т. п.

При этой модели читательская модальность (мнения, чувства, оценки) и поведение должны соответствовать модальности текста, должны быть выводимы из модальности текста. При этом подходе лингвист, анализируя текст (его смыслы, содержащиеся в тексте авторские интенции, оценки и пафос), неизбежно придет к пониманию результатов восприятия этого текста читателем

(в нашем случае — будет ли читатель испытывать ненависть и будет ли он враждебно относиться к какой-либо социальной группе).

Для ответа на первый вопрос необходимо определить следующее:

- что такое ненависть и вражда;
- к кому обращены тексты (адресат), т. е. установить возможный субъект возбуждаемых чувств и/или одну из сторон возбуждаемых отношений (которые в дальнейшем могут быть квалифицированы как ненависть и/или вражда);
- является ли адресат исследуемых текстов какой-либо социальной группой;
- возможный объект возбуждаемых чувств и/или другую сторону возбуждаемых отношений;
- является ли возможный объект какой-либо социальной группой;
- соответствуют ли возбуждаемые текстом чувства чувству ненависти;
- соответствуют ли отношения и действия, к которым автор призывает и/или которые автором оцениваются положительно, отношениям вражды.

В толковых словарях русского языка слова *вражда* и *ненависть* толкуются похожим образом, например:

ВРАЖДА́, -бы́, *ж.* Отношения и действия, проникнутые неприязнью, взаимной ненавистью [Словарь русского языка: В 4-х т.].

ВРАЖДА, -ы, *ж.* Отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью [Ожегов, Шведова].

НЕ́НАВИСТЬ, -и, *ж.* Чувство сильнейшей вражды, неприязни [Словарь русского языка: В 4-х т.].

НЕ́НАВИСТЬ, -и, *ж.* Чувство сильной вражды, злобы [Ожегов, Шведова].

Толкования не очень удачные, поскольку ненависть толкуется через вражду, а вражда — через ненависть (что является логической ошибкой), но из этих толкований мы видим, что ненависть — это чувство, а вражда — характеристика отношений и предполагает какие-то действия.

Добавить можно следующее (для простоты в своих толкованиях будем использовать синтаксические дериваты).

Ненависть — чувство, объектом которого может быть не только другой человек, но и неодушевленный предмет (ненавижу автомобили), время суток или года (ненавижу осень), действия (ненавижу есть морковь), свойство (ненавижу грех) и проч. Противоположное чувство — любовь. Ненавистью

называется самое сильное, предельно отрицательное чувство, сильнее неприязни, отвращения, нелюбви (неслучайно в Словаре русского языка использовано прилагательное в превосходной степени «сильнейшей»). Ненависть душит, обурекает. Ненависть не обязательно взаимна и не обязательно должна иметь видимые проявления (чувства можно скрывать).

Вражда — характеристика отношений между людьми (группами людей), нечто противоположное дружбе, нечто обязательно взаимное (невозможно, например, чтобы у меня была вражда с кем-то, а этот человек при этом считал меня своим другом). Вражда обязательно предполагает взаимодействие, но в отличие от дружбы, не сотрудничество, не действия во благо другого, и не просто борьбу, а действия другому во зло.

Вражда — самая крайняя негативная характеристика отношений (в ряду противоборства, конкуренции и соперничества), допускает борьбу не по правилам, обман, подлость, насилие. В отличие от противоборства, конкуренции и соперничества вражда не имеет какой-либо цели (победа в соревновании, обладание чем-либо [долей рынка, денежными средствами, влиянием]), с достижением которой противоборство, конкуренция и соперничество прекращаются. Вражда не имеет другой цели, кроме причинения зла, не предполагает «торговли», компромиссов, диалога.

Надо заметить, что вражда не обязательно должна сопровождаться ненавистью и может пониматься враждующими сторонами как исполнение долга.

Следующий этап — определение адресата исследуемых текстов. На адресата текста могут указывать

1. местоимения второго лица единственного и множественного числа и местоимения первого лица множественного числа;
2. субъекты глаголов в форме изъявительного наклонения настоящего и будущего времени второго лица единственного и множественного числа и первого лица множественного числа;
3. обращения;
4. глаголы в форме повелительного наклонения, их контекст;
5. глаголы в неопределенной форме (инфинитив), служащие эквивалентом форм повелительного наклонения; ближайший контекст таких глаголов;
6. актанты-адресаты перформативных глаголов (*приказываю, прошу, требую, призываю, обещаю* и т. п.); ближайший контекст перформативов,

выраженных иным образом.

Из перечисленного в исследуемых текстах выявлено:

Использование местоимения второго лица:

«Как вы думаете, люди готовы к смене политического лидера?» (стр. 45) — цитата дана без достаточного контекста и без ссылки на источник цитирования. Установить, к кому был обращен цитируемый вопрос, нет возможности (учитывая и более обширную цитату на стр. 37).

Местоимения первого лица множественного числа:

«Но стоило нам подать уведомление о митинге...» (стр. 39) — «Мы» в этом высказывании не адресат текстов, а те, кто подал вместе с И. М. Муртазиным уведомление о митинге.

«...Мы как дурачки сперва будем радоваться, что у нас появились дворники, сантехники, чернорабочие китайцы...» (стр. 28) — «Мы» в этом высказывании — жители Казани, к которым себя причисляет автор.

«Отступить дальше — значит загубить себя и загубить нашу Родину... Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления на фондовом рынке, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог» (стр. 45) — цитата интересна не только местоимением «мы» («нас», «нашу») и глаголами первого лица множественного числа, но и словом «враг». Цитата эта приведена без ссылки на источник, но скорее всего, попала в текст приговора случайно, поскольку это выдержка, судя по всему, не из публицистических текстов автора, а из художественного произведения, поскольку изображается какая-то фантастическая картина. Если «мы» могут не отступить (или даже отступить) на фондовом рынке, то «мы» — люди, наделенные властью и правом распоряжаться существенными ресурсами.

Другие использования местоимения «мы» — *«шаймиевское „мы“»* (стр. 2), *«Были когда-то и мы рысаками...»* (стр. 28) — являются цитатами и не могут быть отнесены к маркерам адресата.

Глаголы в форме первого лица множественного числа:

«„Казанские вести“ попытаются ликвидировать „темные пятна“ информационного поля. Не собираемся писать о том, о чем и без того рассказывают местные ТВ и газеты. Будем писать только о том, о чем местные СМИ в большинстве своем молчат. Не собираемся рассказывать о том, что произошло, но попытаемся разобраться, почему произошло то или иное событие и как это событие отразится на жизни горожан» (стр. 29) — в

этом случае субъект глаголов первого лица — авторы «Казанских вестей».

«Будем ездить по 10 рублей?» (стр. 39—40) — в этом случае субъект — жители Казани (не обязательно читатели).

Перформативы:

«...я призываю отстреливать их словом!» (стр. 38) — высказывание И. М. Муртазина, из статьи Яны Амелиной (Информационное агентство РОСБАЛТ), обращенное не к читателям, а к участникам заседания дискуссионного клуба «Казанская трибуна».

«В общем, ко всем френдам живущим в Казани, просьба, продублировать этот пост в своих ЖЖ и распечатать образец заявления, после «столкновения» с правовым нигилизмом в виде требования оплатить за проезд 15 рублей, заполнить заявление и отнести его (или отправить его заказным письмом) в прокуратуру» (стр. 38) — в этом случае просьба явно обращена не ко всем читателям, а к части читателей (к тем, кто живет в Казани).

Других случаев употребления маркеров адресата в анализируемых текстах не обнаружено, что позволяет сделать вывод о том, что адресат текстов И. М. Муртазина — не одна какая-то социальная группа, а все читающие по-русски.

Если предположить, что анализируемые тексты призваны возбуждать какие-либо негативные чувства или отношения, то следует установить возможный объект возбуждаемых чувств и/или другую сторону возбуждаемых отношений.

Для этого необходимо установить все случаи, где кто-либо упоминается в контексте негативной оценки (прежде всего случаи с названиями групп людей и организаций), и установить, что объединяет всех упоминаемых лиц и группы людей и являются ли они каким-либо единством, общественной группой. Такой подход позволит выявить не только очевидные случаи пропаганды розни между общественными группами, которые выражаются явными призывами к насилию в отношении определенной группы или явным выражением одобрения этих действий (чего нет в анализируемых текстах), но и случаи скрытой (потенциальной) агрессии.

В контексте негативной оценки в исследуемых текстах оказались: чиновники («татарстанское чиновничество», «правлящая номенклатура», «армия чиновничества», «руководство республики» и под.); «нувориши», «сверхблагополучные люди»; «аульская аристократия» (стр. 16—17); работники СМИ [«Татмедиа»; люди, доминирующие в СМИ (стр. 17—18), «армия

лоботрясов, занимающихся „информационным обеспечением деятельности власти“» (стр. 26), СМИ (стр. 30, 36)]; «нефтяники» (стр. 32); судьи (стр. 36); «хулиганье» (стр. 19); «гаишники» (стр. 26); «бандиты» (стр. 19, 32); «служба эвакуации автомобилей» (стр. 29); перевозчики (стр. 33); «лихачи» [нарушители правил дорожного движения] (стр. 37); коммунальщики (стр. 41); М. Ш. Шаймиев, И. Р. Метшин, сам автор («полотер коридоров власти», «ретушер реальности», стр. 23); все («власть повязала всех круговой порукой всеобщего и тотального закононепопослушания», стр. 16).

Из этого перечня видно, что недовольство автора связано не с какой-то определенной социальной группой, тем не менее правомерен вопрос о том, что в этом перечне, возможно, не все элементы равны, что можно выделить какую-то группу, которая чаще других подвергается негативной оценке, и с точки зрения автора именно в представителях этой группы следует усматривать причину всех зол.

Чиновничество (чиновники и подобные наименования), а также представители этой группы чаще других оказываются в контекстах негативной оценки в исследуемых текстах. Но автор не призывает бороться с представителями этой группы, и не в их целенаправленных действиях автор видит первопричину всех бед. Причину сложившейся ситуации автор видит в объективных условиях: *«Именно благодаря нефти в республике был построен „африканский“ политический режим — со слабыми политическими институтами, запредельным уровнем коррупции, клановостью и патернализмом. Это, пожалуй, не вина Минтимера Шариповича, это его трагедия. Если бы у республики не было нефти, власть была бы вынуждена искать более современную и сбалансированную модель устройства органов управления, стимулирующую развитие частной инициативы, создающую условия для самореализации людей»* (стр. 20); в наследии социализма: *«Шаймиевский Татарстан в полной мере сохранил родимые пятна социалистической системы в виде отсутствия класса собственников, независимых от государства, в виде личной несвободы подавляющего большинства населения, в виде повсеместного приоритета государственных интересов над интересами общества и интересами конкретных граждан»* (стр. 16). И в этой системе сам чиновник — жертва: *«Татарстанская властная система сконструирована именно так, чтобы чиновник непременно влез в колею беззакония»* (стр. 2, 6).

Из сказанного следует вывод, что контексты негативной оценки в

исследуемых текстах связаны не с какой-то определенной социальной группой, а с некоторым неудовлетворительным с точки зрения автора положением дел в обществе.

Этот вывод подтверждает и то, что в тексте приговора при анализируемых цитатах отсутствует название социальной группы, на которую направлена ненависть и к которой разжигается вражда. Для этого использованы следующие словосочетания:

1. «определенная социальная группа»,
2. «лица, объединенные по социальному признаку»,
3. «лица, выделенные по принципу социальной принадлежности»,
4. «категория „Другие“»,
5. «лица категории „Другие“»,
6. «представители категории „Другие“».

Названия социальных групп в связи с цитатами из произведений И. М. Муртазина в тексте приговора присутствуют дважды. Первый раз на стр. 13, где говорится что подсудимый «делит и противопоставляет социальную группу „представители власти“ на категории „региональная власть“ и „Москва“». При этом

не утверждается, что социальная группа «представители власти» или социальная группа «региональная власть» тождественны тому, что названо «категория „Другие“», «лица категории „Другие“» или «представители категории „Другие“».

Второй раз название социальной группы использовано на стр. 22 при цитатах, в которых, согласно приговору суда, «особый упор воздействия подсудимым сделан на молодежь как на социальную группу». И в этом случае социальная группа «молодежь» не тождественна «лицам категории „Мы“».

Использование обобщенных наименований и абстрактных категорий «Мы» и «Другие» оправдано в теоретических или обобщающих работах, посвященных проблемам экстремизма. Это позволяет сосредоточиться на общих признаках экстремизма и избежать перечисления всех возможных конкретных названий. Однако использование этих словосочетаний при анализе отдельного случая свидетельствует об ошибке в рассуждении.

Механизм возникновения этой ошибки заключается в следующем. Все, о чем в тексте говорится «со знаком „плюс“», — принадлежит миру «Мы» (или «Я»), а то, о чем говорится «со знаком „минус“», — принадлежит миру «Другие» (или «Они»). Это общее свойство широкого круга текстов полемического характера, не

только публицистических, но и литературной критики, научных трудов, бытовых текстов. И не только полемических, но даже художественной литературы. Это, например, основной сюжетобразующий фактор всех произведений романтизма (например, «Мцыри» М. Ю. Лермонтова), большинства произведений реализма (например, «Детство» М. Горького); на этом строится конфликт всех драматических произведений классицизма (например, «Недоросль» Д. И. Фонвизина); это свойство и архаичных текстов (сказки, былины), и широко известных произведений для детей (например, «Муха-Цокотуха» К. И. Чуковского).

Приложимость к тексту абстрактных категорий «Мы» и «Другие», наличие в тексте этой оппозиции не говорит о том, что этот текст обязательно должен вызвать ненависть или вражду между какими-либо определенными социальными группами. В нашем случае была установлена оппозиция «Мы»—«Другие», при этом одна из сторон этой оппозиции «Мы» осталась неопределенной, а свойства другой стороны ошибочно были приписаны исключительно «представителям власти Республики Татарстан».

Следующий этап — определение того, соответствуют ли авторские оценки и пафос чувству ненависти, а положительно оцениваемые действия и/или действия, к которым автор призывает — отношениям вражды.

В целом, авторские оценки и пафос в исследуемых текстах не соответствуют ненависти (как наиболее сильному негативному чувству). Наиболее подходящее слово для выраженных (и возбуждаемых) чувств — неприятие. Ненависти, например, противоречат рассуждения автора об объективности и исторической обусловленности существующего положения дел.

Возбуждению вражды (в общем случае) могли бы соответствовать призывы к каким-либо действиям, которые приносили бы кому-либо вред, или положительное оценивание таких действий.

В исследуемых текстах есть один фрагмент, который можно было бы интерпретировать как призыв: *«В общем, ко всем френдам живущим в Казани, просьба, продублировать этот пост в своих ЖЖ и распечатать образец заявления, после «столкновения» с правовым нигилизмом в виде требования оплатить за проезд 15 рублей, заполнить заявление и отнести его (или отправить его заказным письмом) в прокуратуру»* (стр. 38). Случай единственный и не соответствующий крайней форме негативных отношений, которой является вражда. Кроме того, здесь автор не призывает к нанесению

какого-либо вреда или ущерба кому-либо, а демонстрирует доверие органам правопорядка, предлагает в конфликтном случае обращаться к ним.

Рекомендуемые и положительно оцениваемые действия в исследуемом тексте — митинг (стр. 39, 46), причем согласованный с властями (стр. 39); самоорганизация граждан (стр. 38); обращения в прокуратуру (стр. 38); обращение в суд (стр. 29) — не только вполне законные действия, но и действия, целью которых является диалог, что противоречит идее вражды.

Таким образом, в исследуемых текстах признаки возбуждения ненависти либо вражды между какими-либо социальными группами отсутствуют по следующим основаниям:

1. Адресат исследуемых текстов не является определенной социальной группой. Исследуемые тексты обращены ко всем читающим по-русски.

2. В исследуемых текстах контексты негативной оценки не связаны с определенной социальной группой. Утверждать наличие в исследуемых текстах какой-либо определенной социальной группы, которая могла бы быть объектом ненависти или вражды, нет оснований.

3. Авторские оценки и пафос в исследуемых текстах не позволяют интерпретировать их как выражение чувства ненависти.

4. Содержащиеся в исследуемых текстах призывы и положительно оцениваемые действия не соответствуют отношениям вражды.

Следовательно, содержание предоставленных на исследование текстов на возбуждение ненависти либо вражды между людьми по признаку принадлежности к какой-либо социальной группе не направлено.

Второй вопрос, связанный со вторым блоком цитат: «Содержатся ли в представленных на исследование текстах элементы пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их социальной принадлежности?»

Пропаганда — распространение взглядов и идей с целью их внедрения в общественное сознание и активизации массовой практической деятельности. Основные элементы процесса пропаганды: её субъект (социальная группа, интересы которой выражает пропаганда), содержание, формы и методы, средства или каналы (радио, телевидение, печать и т. д.), объект (аудитория или социальные общности, которым адресована пропаганда) [БСЭ].

В приговоре суда на стр. 46 говорится, что произведения И. М. Муртазина

«содержат элементы пропаганды исключительности, превосходства и неполноценности граждан по признаку их социальной принадлежности»:

«Согласно заключению судебной психолого-лингвистической экспертизы от 10 декабря 2008 года содержание текстов книги, блога в сети Интернет за период с 2007 по 2008 годы и газет направлено на возбуждение ненависти и вражды между людьми по признаку отношения к социальной принадлежности, содержат элементы пропаганды исключительности, превосходства и неполноценности граждан по признаку их социальной принадлежности и способствуют разжиганию социальной розни».

Это высказывание в тексте приговора не иллюстрируется какими-либо текстами И. М. Муртазина.

Определение существенных признаков процесса пропаганды (средством которого могут быть тексты И. М. Муртазина) в рамках настоящего исследования не представляется возможным по следующей причине. Пропаганда — деятельность, определяемая внешними (по отношению к текстам) условиями и из текстов не реконструируемая. Так, например, преподавание литературы было средством коммунистической пропаганды, но из текста «Песни про купца Калашникова» никак не выводимы ни субъект, ни объект, ни содержание коммунистической пропаганды. Именно поэтому квалификация исследуемых текстов как пропаганды невозможно ни лингвистом, ни психологом.

Однако в своем анализе мы исходили из того, что исследуемые тексты являются публицистикой и в принципе на этом основании могут быть средством какой-либо пропаганды. Вопрос о содержании возможной пропаганды, т. е. о том, говорится ли в исследуемых текстах об исключительности, превосходстве одной социальной группы и о неполноценности какой-либо другой социальной группы, может быть поставлен перед экспертом-лингвистом.

Выше при рассмотрении вопроса о возбуждении ненависти либо вражды, нами исследовались контексты негативной оценки, и было определено, что контексты негативной оценки в исследуемых текстах не связаны с какой-либо социальной группой. Кроме того, в исследуемых текстах отсутствует сравнение каких-либо социальных групп.

Таким образом, в представленных на исследование текстах элементы пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их социальной принадлежности не содержатся.

Третий вопрос, связанный со вторым боком цитат: «Могут ли представленные на исследование тексты способствовать разжиганию социальной розни, в том числе связанной с насилием?»

Как было определено выше, контексты негативной оценки в исследуемых текстах не связаны с какой-либо социальной группой и в исследуемых текстах отсутствует сравнение каких-либо социальных групп. Кроме того, в исследуемых текстах нет положительных оценок актов насилия и нет призывов к насильственным действиям. Рекомендуемые и положительно оцениваемые автором действия в исследуемом тексте — согласованный с властями митинг (стр. 39, 46); самоорганизация граждан (стр. 38); обращения в прокуратуру (стр. 38); обращение в суд (стр. 29) — не только вполне законные действия, но и действия, целью которых является диалог, что позволяет утверждать, что представленные на исследование тексты не только не способствуют разжиганию социальной розни, но способствуют социальному единству.